

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

О.И. Кусенко

ЕВГЕНИЙ АНАНЬИН О ПРОБЛЕМЕ ИТАЛЬЯНСКОГО РЕНЕССАНСА

Кусенко Ольга Игоревна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории западной философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: isafi137@gmail.com

Переоценка устоявшихся в ренессансной историографии догм и канонов была очень актуальна в первой половине XX столетия: появлялось множество оригинальных концепций, корректировавших или вовсе опровергавших предшествующие. Статья посвящена участию русского историка-медиевиста Е.А. Ананьина, проживавшего в Италии, в дебатах вокруг концепции итальянского Ренессанса, его попыткам очистить поле ренессансных исследований от укоренившихся клише (в первую очередь от постулируемой антитезы Средневековья и Возрождения, а также представления о Ренессансе как о возвращении к античности). Значительная часть публикаций Ананьина в итальянских научных журналах – это полемические статьи и рецензии, раскрывающие панораму ренессансных концепций в Европе 1920–1930-х гг. Русский исследователь выступал против зарубежных историков, обесценивающих оригинальность итальянского Возрождения, а также в целом против попыток использовать понятие Ренессанса *ad usum proprium*. В настоящей статье речь идет о некоторых ренессансных концепциях и их авторах (Буркхард, Бурдах, Папини, Вальзер, Забугин, Нейман, Нордстрем), о которых говорит (или же, наоборот, умалчивает) Ананьин, и о его собственных взглядах, скрывающихся за критическими замечаниями. В статье также затрагивается кампания, развернутая в Италии в середине 1930-х в против оккупации иностранцами поля ренессансных исследований, и связанное с этой кампанией открытое противостояние Ананьина итальянскому мыслителю и литератору Джованни Папини, ставшему во главе открывшегося во Флоренции в 1937 г. Национального Института Ренессансных исследований.

Ключевые слова: русская италянистика, ренессансные исследования, итальянский Ренессанс, Ананьин, Забугин, Папини

Для цитирования: Кусенко О.И. Евгений Ананьин о проблеме итальянского Ренессанса // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 2. С. 138–152.

Задачи Ананьина-медиевиста

«Исследуя представления о Ренессансе в истории, я сталкивался с различными интерпретациями, которые из-за своей надуманности, стремления к упрощению или к тенденциозной схематизации должны быть без раздумий

забракованы или по меньшей мере глубоко переработаны и исправлены»¹. Такой вводной полемической репликой начинается обобщающий труд Евгения Ананьина «Понятие “*rinascita*” в Средние века: V–X вв.», опубликованный в 1958 г. Эта работа явилась суммой высказанных несколькими десятилетиями ранее (в 1930-е – начале 1940-х гг.) историко-философских воззрений Ананьина, выступавшего на страницах итальянских научных журналов за очищение поля ренессансных исследований от укоренившихся клише.

Евгений Аркадьевич Ананьин (1888 Москва – 1965 Венеция) историк-медиевист (в рассматриваемой нами ипостаси), участник революционного движения, меньшевик (в своей другой ипостаси, которую мы подробно не затрагиваем²). Одним из основных предметов исследований Ананьина-медиевиста стала культура эпохи Возрождения. Получив историко-философское образование в Высшей школе социальных наук при Сорбонне, он обосновался в Италии в 1920-х гг. В ренессансные исследования он погрузился не сразу. Первое время в Италии Ананьин был активным участником научных дебатов вокруг русской революции, работал над осмыслением революционных событий и политических проблем советской России. Неудачи с публикацией его трудов, которые он в частности пытался напечатать в журнале «*Rivoluzione Liberale*» итальянского антифашистского мыслителя Пьеро Гобетти³, побудили его переключиться с остро-злободневной тематики на более спокойную (на первый взгляд) область медиевистики. С 1930-х гг. вплоть до своей кончины в 1965 г. Ананьин опубликовал в Италии несколько монографических исследований и множество научных статей о проблемах Средневековья и Ренессанса, имевших, однако, скромную популярность преимущественно среди итальянских филологов и историков. Его монография о Пико делла Мирандола⁴, вышедшая при поддержке Бенедетто Кроче также не получила широкой известности, хотя была новаторской для своего времени как по охвату источников⁵, так и по предлагаемой оценке творчества ренессансного автора.

Одним из лейтмотивов работ Ананьина периода его интенсивных ренессансных исследований 1930-х гг. является очищение понятия Возрождения от клише, переоценка устоявшихся в итальянской (и в целом европейской историографии) догм и канонов, которые начали формироваться в эпоху Просвещения. Окончательный ренессансный канон и значение эпохи

¹ *Anagnine E.* Il concetto di rinascita attraverso il Medio Evo: V–X sec. Milano; Napoli, 1958. P. IX.

² Подробнее о творчестве и биографии Ананьина см.: *Гардзонио С.* Евгений Ананьин – русский революционер и исследователь итальянской культуры // *Res Philologica* – II: Филологические исследования. Сборник статей памяти акад. Г.В. Степанова. К 80-летию со дня рождения (1919–1999) СПб., 2000. С. 73–81; *Рицци Д.* Ананьин Евгений Аркадьевич // *Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия.* М., 2019. С. 52–55.

³ Подробнее о социально-политических работах Ананьина 1910–1920-х гг. и его переписке с П. Гобетти см.: *Саббатини М.* Евгений Ананьин и Пьеро Гобетти: письма о России (1924–1925 гг.) // «Беспокойные Музы». К истории русско-итальянских отношений. Салерно, 2011. С. 343–359.

⁴ *Anagnine E. G.* Pico della Mirandola. Sincretismo religioso-filosofico. 1463–1494. Bari, 1937.

⁵ Например, Ананьин был первым, кто подробно исследовал с помощью профессоров Иерусалимского университета каббалистический корпус работ Пико делла Мирандола и использованные им первоисточники.

Возрождения для итальянской историософии, во многом связанные с поиском национальной идентичности недавно объединенного Итальянского государства и итальянского народа, утверждаются в последней четверти XIX столетия. Этот «ренессансный стандарт» складывается во многом под влиянием концепции швейцарского историка Якоба Буркхарда: взгляд на Возрождение как на эпоху разлома, разрыва со Средневековьем; Ренессанс как возрождение классической языческой культуры, способствовавшей освобождению от схоластики; практически полное замалчивание значения христианства в культуре Возрождения. В знаменитой работе Буркхарда «Культура Италии в эпоху Возрождения», опубликованной в 1860 г. в канун объединения Италии, отчетливо звучит мысль о том, что ренессансная культура является выражением духа итальянского народа, и с Ренессанса, собственно, и начинается новая эра в Италии – время обретения подлинного национального самосознания. Эти и другие идеи, выраженные швейцарским историком, были абсолютно созвучны идеалам Рисорджименто, а затем течению итальянского неоидеализма в его различных модификациях. Тезисы Буркхарда прочно укрепились в ренессансной историографии, и Ананьин почти во всех своих статьях и рецензиях не перестает их опровергать, утверждая, что концепция швейцарского историка больше не удовлетворяет требованиям современной исторической критики и требует коррекции.

В 1934 г. в итальянском журнале «Nuova rivista storica»⁶ была опубликована статья «Проблема Ренессанса»⁷, в которой Ананьин представил анализ некоторых концепций Возрождения, а также сформулировал свой подход к исследованиям. Главный редактор журнала итальянский историк Коррадо Барбагалло⁸ в сноске выражает сожаление из-за размещения статьи в разделе «Обзоры» и подчеркивает, что данный текст «не просто критический обзор некоторых недавних публикаций, а горячая, умнейшая и оригинальная апология итальянского Ренессанса»⁹. Основываясь на вышедших в 1920-е – начале 1930-х гг. трудах по истории, культуре и философии эпохи Возрождения (Вальзер, Нейман, Нордстрем, Тоффанин), Ананьин своей работой показывает несостоятельность концепции Якоба Буркхарда и его школы. В первую очередь русского историка занимает вопрос об отмене постулируемой антитезы Средневековья и Возрождения, а также представления о Ренессансе как о возвращении к античности. Затем Ананьин критикует получившие большое распространение в послевоенные годы пангерманские и франкофильские концепции, обесценивающие оригинальность итальянского Возрождения. Критика Ананьина направлена также и против распространившихся в период после Первой мировой войны

⁶ 1930-е гг. были достаточно сложным периодом для этого журнала, т.к. редакция держала свой независимый от политической конъюнктуры курс. С 1933 г. журнал был вынужден сократить количество выпускаемых номеров и количество страниц, чтобы выжить. Возможно еще и с этим связан нижеуказанный факт размещения публикации Ананьина в разделе «Обзоры».

⁷ *Anagnine E. Il problema del Rinascimento // Nuova Rivista Storica. 1934. No. VI. P. 573–594.*

⁸ Дирекция журнала состояла из нескольких человек, но всего вероятнее, что статьи Ананьина проходили именно через Барбагалло, т.к. он специализировался в том числе на ренессансной эпохе. В 1936 г. вышла его монография «Эпоха Ренессанса и Реформы (1454–1556)», рецензию на которую в том же 1936 г. Ананьин опубликовал в журнале «Леонардо», см.: *Anagnine E. Recensione a C. Barbagallo L’Eta della Rinascenza e della Riforma (1454–1556) // Leonardo. 1936. No. VII. P. 384–387.*

⁹ *Anagnine E. Il problema del Rinascimento. P. 555.*

философских и художественных произведений, которые обвиняли Ренессанс во всех бедах и катастрофах Европы, при этом идеализируя Средневековье и представляя его свободным от искушений возрожденческой эпохи (Честертон, Марсель, Бердяев, Папини). Подобные интерпретационные ходы не прибавляют, по Ананьину, ничего нового к уже известным буркхардианским тезисам: меняются лишь оттенки с «просвещенческих» на «катастрофические» поствоенной эпохи¹⁰. В то же время критикуемые концепции подтверждают удивительную жизнеспособность тезисов Буркхарда, представляя собой различные их модификации и мутации.

Ренессанс и его христианская компонента

Среди достижений ренессансных исследований последних десятилетий Ананьин выделяет прояснение отношений и нахождение родства между средневековой и возрожденческой эпохами. Здесь русский автор особо отмечает вклад швейцарского историка Эрнста Вальзера и ставит ему в большую заслугу тот факт, что он продемонстрировал сохранение в ренессансную эпоху многочисленных религиозных проявлений Средневековья и указал на то, что изменение в отношении к религии и догме от Средневековья к Ренессансу не было столь драматичным как принято считать. Однако Ананьин критически относится к христианизации Ренессанса у Вальзера, к представлению эпохи как «бунта против рационализации веры, против засилья схоластического метода»¹¹ (бунта не против католицизма как такового, но всегда против конкретных несовершенств церковного устройства, которые расходились с апостольским идеалом), а самих ренессансных ученых-гуманистов (включая тех, кого принято относить к языческому и атеистическому Ренессансу) как людей, хранящих «под скептической и эпикурейской наружностью глубинные потенции чистого религиозного чувства»¹². «Труд Вальзера¹³ оправдывает гуманистическое течение перед католической традицией»¹⁴ – подытоживает Ананьин и тут же предлагает свое *contra*: «Недостаточно вычислить искренность веры того или иного гуманиста или мыслителя, недостаточно отрицать в Гуманизме существование течений явно атеистических и материалистических... необходимо исследовать, мог ли основной подход Гуманизма к проблеме жизни и сознания способствовать медленному или стремительному распаду и обесцениванию католическо-средневеково-трансцендентального идеала (“католический” и “средневековый” здесь для меня просто синхронные термины), мог ли он или нет, хоть и поступательно и через бесконечные борьбу и противостояние, привести к выработке новых концепций философии, религии, морали абсолютно противоположных средневековому традиционализму, несовместимых с принципами и основами Католицизма»¹⁵. У Ананьина нет сомнений в том, что Ренессанс – это «бунт постепенный, но радикальный против средневековых

¹⁰ *Anagnine E. Il problema del Rinascimento. P. 556.*

¹¹ *Ibid. P. 559.*

¹² *Ibid.*

¹³ Речь идет о работе: *Walser E. Gesammelte Studien zur Geistesgeschichte der Renaissance. Basel, 1932.*

¹⁴ *Anagnine E. Il problema del Rinascimento. P. 559.*

¹⁵ *Ibid. P. 560.*

ценностей»¹⁶. Он смотрит на Ренессанс не «статично» (за что и критикует Вальзера) а «динамично»: не в его непосредственном явлении и становлении, но в его отдаленных последствиях, в проекте, возможностях. Русский историк не отрицает значительность христианской компоненты Ренессанса, так как для его собственной концепции важна континуальность между Средневековьем и периодом Возрождения, в который итальянская культура начала создавать новый духовный порядок, используя достижения средневековой религиозно-философской мысли и в то же время разрушая громоздкую схоластическую философию, которая жила прошлыми славными заслугами. Ключевым в концепции Ананьина является подчеркивание бунта (хоть и отсроченного) ренессансных деятелей против католического средневекового идеала. Среди наиболее важных завоеваний эпохи он выделяет укрепление средневекового универсализма и оформление нового восприятия человека, Бога, природы, которое стало возможным после долгой критической работы над античными и средневековыми источниками, проделанной гуманистами.

Взгляд Ананьина на Ренессанс – это в целом неогегельянская позиция: ренессансная эпоха важна для него как необходимый этап общего телеологического процесса истории. «Стрела Ренессанса» направлена в будущее, его деятели, как любили писать в советской историографии про Данте, «одной ногой» еще укоренены в средневековых идеалах, а второй уже вступили на шаткий мост, ведущий в Новое время, выявление и анализ этой «раздвоенности» ренессансных авторов составляет один из важных блоков историко-философской деятельности Ананьина. К слову, взгляды русско-итальянского автора на Средневековье и Ренессанс неплохо бы вписались в советский историко-философский процесс 1960–1980-х гг., переживавший заметный гегельянский поворот¹⁷. А его монография «Понятие “*rinascita*” в Средние века: V–X вв.» при некоторой чисто стилистической доработке вполне могла бы быть встроена в советский канон медиевистических и ренессансных исследований указанного периода; Ананьин мог бы занять место классиков этого направления наряду с А.Я. Гуревичем, Н.В. Ревякиной, А.Х. Горфункелем и др.

Возвращаясь к Вальзеру в оценке Ананьина, надо сказать, что высоко оценивая заслуги этого автора, русский историк не освещает тот факт, что швейцарский ученый был далеко не первым, кто преодолел разрыв Средневековье-Ренессанс и выявил континуальность религиозно-философской мысли двух эпох. Ключевой вклад принадлежит другому швейцарскому историку Конраду Бурдаху и его работе «Реформация. Ренессанс. Гуманизм»¹⁸. В некрологе по случаю смерти ученого в 1936 г. Ананьин особо подчеркнет способность Бурдаха отличать в идеях итальянского гуманизма «глубинные, жизненные, национальные, религиозные переживания от формул абсолютно формальных, лингвистических, стилистических»¹⁹, однако, в рассматриваемой статье и других своих работах он говорит о Бурдахе преимущественно в критическом ключе, считая его концепцию заблуждением не менее

¹⁶ *Anagnine E.* Il problema del Rinascimento. P. 572.

¹⁷ См.: *Zweerde E. van der.* Soviet Theory of the History of Philosophy as a Capstone of Soviet Philosophical Culture // *Rivista di storia della filosofia.* 2018. No. LXXIII. P. 369.

¹⁸ *Burdach K.* Reformation, Renaissance, Humanism: zwei Abhandlungen über die Grundlage moderner Bildung und Sprachkunst. Berlin, 1918.

¹⁹ *Anagnine E.* Conrad Bùrdach (1859–1936) // *Nuova rivista storica.* 1937. Fasc. I–II. P. 82.

сильным и опасным (хоть и в корне противоположным), чем идеи Буркхарда. Бурдах, по Ананьину, «растворяет ренессансную идею в средневековой концепции *«renovatio»*, лишая тем самым Возрождение его наиболее ярких характеристик»²⁰.

Не упоминает Ананьин и про концепцию «христианского Возрождения» своего соотечественника – признанного филолога и глубочайшего знатока ренессансной культуры, автора книги «История христианского Возрождения в Италии»²¹ – Владимира Забугина²². Труды последнего были, разумеется, знакомы Ананьину. По-видимому причину надо искать в непростой «ренессансной конъюнктуре», сложившейся в академических кругах Италии 1920–1930-х гг. В конце 1920-х концепция «христианского Возрождения» Забугина и в целом большой массив его историко-философских трудов были подвергнуты острой идеологической критике²³. Упоминать о «вычеркнутых» из анналов итальянской науки было небезопасно. Однако, судя по открытой полемике Ананьина с видными итальянскими учеными, присягнувшими фашистскому режиму, он был достаточно бесстрашным. Вероятнее предположить глубокое концептуальное расхождение позиций двух русских авторов. Несмотря на общие темы и единое страстное желание преодолеть стереотипы, сложившиеся вокруг понятия Ренессанса, всё же исследовательская оптика Ананьина и Забугина совершенно различна. Забугин, действительно, утвердил своим исследованием религиозный характер итальянского Ренессанса (само название концепции «христианское Возрождение» бросало решительный вызов «языческому» Ренессансу Буркхарда и «двойному» Людвигу Пастора) и смог продемонстрировать четкую и уверенную преемственность христианской цивилизации, которая благодаря преобразованиям в ренессансный период смогла обогатиться, не забывая в своем новаторстве соотносить свой путь с евангельскими идеалами и заветами Отцов Церкви. По сути, Забугин, признанный итальянскими коллегами блестящим знатоком латинской и итальянской культуры, десятилетием раньше Вальзера «оправдал гуманистическое течение перед католической традицией». Определенно заслуживал упоминания и новаторский для своего времени междисциплинарный подход Забугина к ренессансным исследованиям, который он обозначал следующим образом: «На правах совершенной равнозначности мы исследуем все проявления “христианского Возрождения” в поэзии, в изобразительном искусстве, в архитектуре, в музыке... Человеческая культура должна быть изучаема не иначе как органическое целое самых различных проявлений, несхожих по форме, но идентичных по содержанию»²⁴. Отсутствие ссылки на Забугина у Ананьина определенно говорящее: оно

²⁰ *Anagnine E.* Il concetto di rinascita attraverso il Medio Evo. P. IX.

²¹ *Zabughin V.* Storia del Rinascimento Cristiano in Italia. Milano, 1924.

²² Подробнее о биографии и работах Забугина см.: *Надзаро А.* A bono in bonum. В.Н. Забугин: от «Судьбы Вергилия» до «Христианского Возрождения в Италии» // Россия-Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX веках. СПб., 2014. С. 205–224; *Рицци Д.* Забугин Владимир Николаевич // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М., 2019. С. 262–265; *Кусенко О.И.* Владимир Николаевич Забугин – итальянский рецензент русской мысли // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 158–169.

²³ Об этом см.: *Кусенко О.И.* Итальянские рецензенты концепции «христианского Возрождения» Владимира Забугина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. 2019. № 3. С. 92–98.

²⁴ *Zabughin V.* Storia del Rinascimento Cristiano in Italia. P. 6.

имеет отношение как к академическому климату Италии 1930-х, так и к глубоко личным концептуальным убеждениям Ананьина, склонному фокусироваться на логике развития самих идей, часто не зависящей от индивидуальных характеристик тех, кто их поддерживает.

Апология итальянского Ренессанса

С большим вниманием и тщательностью Ананьин разбирает франко-фильскую концепцию шведского историка Йохана Нордстрема, склонного отрицать оригинальность итальянского вклада в ренессансный процесс, считая настоящим именно французский Ренессанс XII–XIV вв. и, таким образом, сдвигая датировку эпохи Возрождения на три века. Ананьин замечает, что в работе²⁵ Нордстрема роль Италии сводится лишь к распространению по Европе созданных во Франции новых тем и форм мысли: Петрарка, Данте, Макиавелли и другие деятели ренессансной Италии оказываются у него лишь последователями и имитаторами достижений французов, «звеньями в тысячелетней цепи французской культуры»²⁶, не прибавившими ничего оригинального к уже существовавшей до них литературной и философской традиции. Не отрицая того факта, что итальянский Ренессанс вместил в себя усилия и достижения предшествующих европейских поколений, Ананьин считает несостоятельным тезис Нордстрема и полагает, что случилось как раз обратное: уже к середине XIV в. произошло относительное понижение философской культуры, в том числе в одном из основных ее центров – в Париже – что, как утверждает Ананьин, «сделало из Ренессанса кузницу и предвестника новых тем... придало итальянскому Ренессансу уникальные черты эпохи великого подъема, цветения культуры, духовного обновления»²⁷. Интерпретация Нордстрема, согласно Ананьину, не решает проблемы Ренессанса, а подобно Буркхарду и его школе (критику которых Ананьин всё время держит в уме в связи с рассматриваемыми концепциями Ренессанса) проводит демаркационную линию между варварством Средневековья и интеллектуальной утонченностью Ренессанса: будто последний это *deus ex machina* без связей с прошедшим. Разницу между двумя историками Ананьин видит лишь в датировке эпохи Возрождения.

В связи с критикой ренессансных концепций, обесценивающих вклад Италии, Ананьин затрагивает важную и тонкую тему национальных корней итальянского Ренессанса. На протяжении всех веков после падения Римской империи в Италии присутствовал, по выражению Ананьина, «уникальный ментальный габитус»²⁸, состоящий в том, что страна ощущала себя наследницей и хранильницей духовного и идейного достояния Рима. Универсализм Средневековья (а затем Ренессанса) был не чем иным, как попыткой вместить в себя все предшествующие достижения греческой, римской, христианской культуры, охватить, синтезировать и понести дальше все достижения предшествующих веков, распространяя универсализм на все народы Европы. Поэтому греческие и латинские литературные и философские

²⁵ Nordström J. Le Moyen Âge et la Renaissance. Paris, 1933.

²⁶ Anagnine E. Il problema del Rinascimento. P. 583.

²⁷ Ibid P. 561.

²⁸ Ibid P. 579.

тексты, их авторы и герои были для итальянцев не просто предметом абстрактных штудий или эстетического любования, но живой частью длящейся истории Рима. Подобное отношение к античному наследию Ананьин иллюстрирует значением фигуры Вергилия²⁹, которая, согласно Ананьину, представляла для итальянцев «символ исчезнувшей римской власти, неистребимое обаяние цивилизации, которая продолжала служить уроком и стимулом и быть объектом печальных сожалений и ностальгии, духовным завещанием великих мертвых часто ничтожным живым»³⁰. Эта своеобразная историософия, в которой тоска по возрождению Империи, по ее величию соединялась с надеждой на великое будущее итальянского народа, призванного вслед за римским к мессианскому служению в Европе – составляла, по Ананьину, характерную черту итальянского Ренессанса, и поэтому он не мог быть просто репликой или имитацией достижений других национальных европейских культур. Не иметь собственных идей, не проявить себя ни в добром, ни в худом, ни в великом, ни в малом, но слепо следовать за чужими свершениями считалось порочным у итальянских гуманистов. Недаром Владимир Вениаминович Биbihин замечает, что у Данте «самой беспросветной доли в его аде удостаиваются не злодеи, а бездеятельные»³¹. И Ананьин подчеркивает, что итальянский гуманизм уделял особое внимание нуждам своего времени, был деятельным. Заклучая свою ренессансную «апологию», русский историк постулирует «двойную сугубую оригинальность» итальянского Возрождения: «оригинальность по отношению к классической античности и оригинальность по отношению к культурному наследию трансальпийских стран»³².

В целом очень аккуратные тезисы Ананьина укладывались в рамки «разрешенных» в Италии 1930-х гг. представлений о Ренессансе: русский историк утвердил национальный гений итальянского Ренессанса, его преемственность и вместе с тем бунт против средневековых идеалов, активную позицию гуманистов по отношению к преобразованию реальности и, главное, обновленческий и новаторский пафос эпохи, положившей начало современной европейской цивилизации. Эта связь Ренессанса с последующим ходом историко-культурного развития была важна для Кроче, который считал, что Ренессанс начал сводить с небес на землю духовные ценности, созданные христианством, а эпоха Просвещения продолжила и усовершенствовала начинания ренессансных деятелей, радикализовала их. Для Джентиле также первостепенной была связь итальянского Ренессанса с ходом дальнейшего развития мысли и с торжеством национального гения Италии.

²⁹ И здесь, упоминая про значимость фигуры Вергилия в эпоху Средневековья и Возрождения, Ананьин не ссылается на Забугина, на его известную двухтомную монографию «Вергилий в эпоху итальянского Возрождения от Данте до Торквато Тассо» (1921–1923). Забугин прямо говорит в этой работе, что Вергилий был крайне важной фигурой для деятелей Возрождения, оплотом римского духа и идеи цивилизационной мощи Рима.

³⁰ *Anagnine E. Il problema del Rinascimento. P. 579.*

³¹ *Бибихин В.В. Новый Ренессанс. М., 1998. С. 274.* Бездеятельные (*ignavi*) описаны в третьей песне (22–69) Ада Данте. Наименование «*ignavi*» Данте приписывает грешникам, которые были как бы мертвы при жизни (предпочитали не проявлять себя, не иметь собственных идей, оставаться всегда нейтральными и выступать на стороне сильного) и не заслуживают даже адских мук, но обречены вечно бежать обнаженными за знаменем, вращающимся вокруг своей оси, и быть терзаемыми слепнями и осами.

³² *Anagnine E. Il problema del Rinascimento. P. 594.*

В его концепции были неразрывно связаны три периода Ренессанс-Рисорджименто-фашизм, из которых первый заложил основы становления последующих. Конечно, с обоими мэтрами итальянской философии Ананьину было о чем полемизировать, однако, открыто он выступал именно против зарубежных «разрушителей» образа итальянского Ренессанса, защищая его от популярной, особенно в межвоенные годы, эксплуатации эпохи *ad usum proprium*.

Ананьин против Папини

Несмотря на несомненные заслуги перед итальянским Возрождением, Ананьин всё же и сам попал в категорию неблагонадежных иностранных исследователей, когда в середине 1930-х гг. в Италии развернулась целенаправленная кампания против оккупации «чужаками» поля ренессансных исследований. В 1935 г., планируя проведение международного конгресса, посвященного эпохе Возрождения, ректор Флорентийского университета Биндо де Векки предупредил Муссолини о необходимости поднятия среди итальянских ученых интереса к области ренессансных исследований и закреплении за ними неоспоримого первенства в этой области, т.к. «до сих пор иностранцы являются самыми глубокими знатоками этого периода нашей истории»³³. Председателем состоявшегося в 1937 г. на вилле Поджо-а-Каяно конгресса, а потом и главой Национального Института Ренессансных исследований во Флоренции (создание и основные направления работы которого обсуждались на конгрессе) был избран итальянский мыслитель Джованни Папини³⁴. Продолжая официально заданную линию, Папини в своем интервью 1937 г. газете «Фашистский труд» повторил мысль про засилье иностранных исследователей и имплицитно указал на Ананьина как на одного из таких авторов. Слова из данного интервью приводит в своей публикации итальянская исследовательница Джузеппина Ларокка: «...Исследователи Возрождения – почти все иностранцы... и среди самых современных два – русские, а один – скандинав <...> Иностранные исследователи, несущие – почти всегда – свою протестантскую и демократическую ментальность... Возрождение начинается с Данте, в Италии, и оно является периодом абсолютного господства итальянского творческого гения в мышлении, в искусствах, в политике. Эта атака – хотя и лишена решительного фундамента – заслуживает большего внимания, в том числе потому, что она опасна»³⁵. Конечно, «неудобные» концепции «двух русских» (Ананьина и Забугина), претендующие на переосмысление глубинных мотивов и значения Ренессанса в европейской культуре, а, главное, – на очищение его от мифов и клише, были, по выражению Папини, «атакой» на сложившуюся традицию.

³³ Цит. по: *Seardo C.* Dal «Leonardo» a «Pensieri sul Rinascimento»: l'approccio pragmatista di Giovanni Papini. Tesi di laurea magistrale. Pisa, 2015. P. 186.

³⁴ Согласно документам, сохранившимся в архиве Особого Секретариата Дуче (см.: *Рицци Д.* Ананьин Евгений Аркадьевич. С. 53–54), в 1937 г. Ананьин делал попытки занять пост главы Национального Института изучения Возрождения во Флоренции.

³⁵ Цит. по.: *Ларокка Д.* Пространство и «следы» Ренессанса. Евгений Ананьин и Джованни Папини // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 166. Из этой статьи можно также узнать подробнее про взаимоотношения Ананьина и Папини.

Ананьин, в свою очередь, открыто, достаточно смело и резко ответил Папини и подробно разобрал его статью «Мысли о Ренессансе»³⁶ (1937 г.) в своей публикации «Дж. Папини и Возрождение», вышедшей со значительным запозданием лишь в 1939 г. в журнале «Nuova rivista storica». Теперь критика Ананьина была направлена против внутренних искажений и схематизаций эпохи Возрождения, против итальянского академика, утвержденного стражем «итальянскости» Ренессанса – самим Дуче. Подхватывая слова из интервью Папини, Ананьин пишет: «Так как до сих пор, согласно Папини, Ренессансом занимались больше всего “иностранцы исследователи, которые внесли свою протестантскую и демократическую ментальность” (!? Буркхард, к примеру, вполне себе “протестант” и “демократ”! И потом, наиболее близкие к нам Пастор и Забугин – иностранцы да, но католики и какие!), выказывая непонимание католических ценностей, римских, итальянских того исторического периода, это вызвало необходимость защищать их, и вот почему сам Папини начал публиковать свой “Rinascita”»³⁷. После этого вступления Ананьин предлагает читателям подробный разбор основных тезисов Папини о Ренессансе.

Надо заметить, что в целом концепция Ренессанса Папини, который на момент занятия должности руководителя Института был уже маститым итальянским литератором и мыслителем, органично выростала из его предшествующего творчества. Еще в ранний период своего сотрудничества с журналами «La Voce» и «Lacerba» и серьезного увлечения прагматизмом формируется важная для Папини концептуальная связка между деятельностью, религией и искусством и понимание мыслителем творчества как той сферы, где человек, активно преображая материю мира, уподобляется Богу. Именно в ренессансной эпохе, согласно Папини, воплотился идеал человеческого призвания соработничества Творцу, соединения с Ним, возвращение к Нему через свободное творчество. В великих умах Возрождения он угадывает именно такие стремления, например, в уста Пико делла Мирандола Папини вкладывает следующие слова: «Целью всего моего творчества, всех моих трудов, всей моей жизни было снова привести человека к Богу, вернуть человеку его божественное предназначение, вернуть его к его божественным истокам, к его исконной божественной природе, в общем, я мечтаю быть примирителем божественного и человеческого, примирителем творения со своим Творцом, Адама со Христом»³⁸. И подобное возвращение человека к Богу происходило, по Папини, именно в период Ренессанса, который, в отличие от Средневековья (итальянский мыслитель решительно противопоставляет две эпохи), не умерщвлял и не умалял человеческую природу, не замыкал свободную мысль в созерцании или пустом теоретизировании, наоборот, обратился от абстрактных понятий к познанию человека и мира. Папини особо подчеркивает религиозность Ренессанса, именно «правильную» религиозность по сравнению с умаляющей человека средневековой аскезой. Эпоха Возрождения для него – это возвышение человека без вытеснения Бога. Из этих соображений вытекает основной яркий тезис

³⁶ Доклад «Мысли о Ренессансе», прочитанный Папини на конгрессе 16 мая 1937 г., затем был опубликован под тем же названием в первом номере журнала Национального Института Ренессансных исследований «Возрождение» (Rinascita).

³⁷ *Anagnine E.G. Papini e il Rinascimento // Nuova rivista storica. 1939. No. VI. P. 109.*

³⁸ *Papini G. Giudizio Universale // Papini G. Politica e civiltà. Milano, 1963. P. 567–568.*

разбираемой Ананьиним статьи «Мысли о Ренессансе»: «Творцы искусства против творцов отвлеченных понятий» (*Artisti contro Astrattisti*). Папини пишет: «Ренессанс – это реванш поэтов над философами, фантазеров над рационалистами, первооткрывателей и исследователей над созерцателями лишь внутреннего или логического мира, натуралистов над строящими силлогизмы, в общем, творцов искусства над творцами отвлеченных понятий»³⁹.

Критикуя тезисы Папини, Ананьин продолжает последовательно отстаивать неприемлемость антитезы Средневековье – Ренессанс, а также чрезмерного преувеличения религиозной компоненты последнего, что представляется Ананьину «спектаклем», пародией на Ренессанс, «искуплением рода человеческого кисточкой и резцами»⁴⁰. Здесь бы, конечно, Ананьина в его критике поддержали сторонники антивозрожденческой позиции, достаточно влиятельной в русской философской культуре XX в. (Флоренский-Булгаков-Лосев и др.⁴¹). По Лосеву, скажем, никакого «искупления» ренессансные деятели совершить не могли в силу «общевожденческой личностно-материальной направленности»⁴², довлевшей над их творчеством, в котором уже проглядывали черты другого грядущего «мифа» Нового времени. Оба – Лосев и Ананьин – смотрят на Ренессанс в динамике, вглядываясь в его отдаленные последствия. Но если Ананьин позитивно оценивает вклад деятелей Возрождения в постепенное «обесценивание католическо-средневеково-трансцендентального идеала» и в установление нового взгляда на человека и его отношения с Абсолютом, то для Лосева всё наоборот. В творениях эпохи Возрождения последний ясно предчувствует трагедию человека Нового времени, выдвигание на первый план индивида с его самостью (например в «Джоконде»⁴³). Ананьину же совершенно чуждо катастрофическое мироощущение ренессансной проблематики. Заключительные слова «Эстетики Возрождения» Лосева являются более острым нападением на концепцию Папини, чем некоторые прямые инвективы Ананьина («мастер небольших и вкусных сентенций»⁴⁴ или «любит обобщать и совсем не любит уточнять»⁴⁵). Лосев говорит следующее: «В истории эстетики и искусства не было другой такой эпохи, которая бы так радикально, так непровержимо и величественно взывала к необходимости заменить индивидуальную и изолированную человеческую личность исторически обоснованным коллективом, где основанием исторического прогресса была бы уже не она, взятая в своей изоляции, а коллектив, взятый в своей всечеловеческой диалогичности»⁴⁶. Этими словами (которые вряд ли можно понять как реверанс в сторону советской системы) блестяще обличается пафос Папини, апеллирующего к Ренессансу как к славному прошлому итальянского фашизма.

³⁹ *Papini G. Pensieri sul Rinascimento // Papini G. L'imitazione del Padre. Firenze, 1947. P. 11.*

⁴⁰ *Anagnine E.G. Papini e il Rinascimento. P. 113.*

⁴¹ О восприятии эпохи Ренессанса в русской философской культуре см.: *Седых О.М., Гришатов Ю.Л. Русский Ренессанс о Ренессансе // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 111–112; Kudrjavcev O. «Muori, Firenze, Giuda». L'Italia del Rinascimento nel giudizio della cultura russa // Rinascimento e Antirinascimento. Firenze nella cultura russa fra Otto e Novecento. Firenze, 2012. P. 31–44; Andreev M. Il Rinascimento italiano come specchio del nichilismo russo // Ibid. P. 45–50.*

⁴² *Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1988. С. 427.*

⁴³ Характеристику «Джоконды» см.: Там же. С. 426–427.

⁴⁴ *Anagnine E.G. Papini e il Rinascimento. P. 109.*

⁴⁵ *Ibid. P. 112.*

⁴⁶ *Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. С. 614.*

Хотя, конечно, Лосева – сторонника соборности в духе Вл. Соловьева – можно понимать здесь двояко: и как критика тоталитарных режимов XX в., венчающих проект Просвещения (который, в свою очередь, берет начало в эпохе Возрождения) и как сторонника положительного всеединства.

Критическая статья Ананьина написана с нескрываемым волнением за дальнейший ход развития ренессансных исследований в Италии. Ведь ложные представления об эпохе, против которых он много раз выступал, с новой силой зазвучали из уст директора только что открытого исследовательского Института, претендующего на первенство в освещении проблем Ренессанса. Ананьин восклицает: «Что нового открыл Папини? Открытие и переоценка человека? Но об этом уже писал Я. Буркхардт. Непрерывность религиозного характера Ренессанса? Это уже утвердил К. Бурдах. Папини примирил два тезиса в то, что, по его мнению, составляет «синтез», добавив в свой актив несколько страничек не лишенных риторического папианского лиризма... Папини не разрушил ни один предрассудок, не поставил никакой новой проблемы. Ничего не построил, ничего не обновил»⁴⁷. Свой критический разбор Ананьин завершает пожеланием официальному голосу Института ренессансных исследований – журналу «Rinascita» – публиковать более взвешенные исследования, «не претендовать на отмену долгой традиции исследований (как итальянских, так и зарубежных) и не предвещать апокалиптическим тоном наступление для нашего бедного Ренессанса неизвестно какой новой и прекрасной эры»⁴⁸. Однако журнал под руководством Папини продолжил исследования в том же концептуальном ключе, создавая мифологизированный образ Ренессанса, прославляющий историко-культурное прошлое фашистского режима. Голосу Кроче непросто было противостоять мощному потоку подобной мифологизации Возрождения, а Ананьину, иностранному исследователю, едва получившему итальянское гражданство⁴⁹, это было вовсе не под силу.

Итоги

Труды Ананьина в Италии сейчас изучаются в основном славистами как пример диалога культур и участия русских эмигрантов в научной жизни страны. Специалисты по Возрождению значительно продвинулись в освещении различных проблем эпохи и, пожалуй, работы Ананьина уже не открывают новых горизонтов для ученых. Однако непрестанные попытки русского историка расчистить поле ренессансных исследований от клише и стереотипов, уйти от общих мест в исследование конкретных фактов, переменить идеологическую ориентацию на проблемную – до сих пор сохраняют свою актуальность как в европейской, так и в отечественной науке, где большинство критикуемых Ананьиним тезисов не было подвергнуто последовательному концептуальному пересмотру.

⁴⁷ *Anagnine E.G. Papini e il Rinascimento. P. 113.*

⁴⁸ *Ibid.*

⁴⁹ Ананьин получил итальянское гражданство в 1937 г. благодаря поддержке Дж. Джентиле.

Список литературы

- Бибихин В.В. Новый Ренессанс. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 496 с.
- Гардзюно С. Евгений Ананьин – русский революционер и исследователь итальянской культуры // *Res Philologica – II: Филологические исследования. Сборник статей памяти акад. Г.В. Степанова. К 80-летию со дня рождения (1919–1999)* / Отв. ред. Л.Г. Степанова. СПб.: Петрополис, 2000. С. 73–81.
- Кусенко О.И. Владимир Николаевич Забугин – итальянский рецензент русской мысли // *Вопросы философии*. 2020. № 10. С. 158–169.
- Кусенко О.И. Итальянские рецензенты концепции «христианского Возрождения» Владимира Забугина // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке*. 2019. № 3. С. 92–98.
- Ларокка Д. Пространство и «следы» Ренессанса. Евгений Ананьин и Джованни Папини // *Диалог со временем*. 2019. № 69. С. 161–171.
- Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1998. 623 с.
- Надзаро А. A bono in bonum. В.Н. Забугин: от «Судьбы Вергилия» до «Христианского Возрождения в Италии» // *Россия-Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX веках* / Под ред. М.Г. Талалая и А. Милано. СПб.: Алетейя, 2014. С. 205–224.
- Рицци Д. Ананьин Евгений Аркадьевич // *Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия* / Сост. и науч. ред.: А. д'Амелия, Д. Рицци. М.: РОССПЭН, 2019. С. 52–55.
- Рицци Д. Забугин Владимир Николаевич // *Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия* / Сост. и науч. ред.: А. д'Амелия, Д. Рицци. М.: РОССПЭН, 2019. С. 262–265.
- Саббатини М. Евгений Ананьин и Пьеро Гобетти: письма о России (1924–1925 гг.) // «Беспокойные Музы». К истории русско-итальянских отношений / Под ред. А. Д'Амелия. Салерно: Vereja Edizioni, 2011. С. 343–359.
- Седых О.М., Гришатов Ю.Л. Русский Ренессанс о Ренессансе // *Вопросы философии*. 2015. № 6. С. 111–121.
- Anagnine E. Il problema del Rinascimento // *Nuova Rivista Storica*. 1934. No. VI. P. 573–594.
- Anagnine E. Recensione a C. Barbagallo L'Eta della Rinascenza e della Riforma (1454–1556) // Leonardo. 1936. No. VII. P. 384–387.
- Anagnine E.G. Pico della Mirandola. Sincretismo religioso-filosofico. 1463–1494. Bari: G. Laterza & Figli, 1937. 277 p.
- Anagnine E. Conrad Bùrdach (1859–1936) // *Nuova rivista storica*. 1937. Fasc. I–II. P. 82–83.
- Anagnine E.G. Papini e il Rinascimento // *Nuova rivista storica*. 1939. No. VI. P. 109–113.
- Anagnine E. Il concetto di rinascita attraverso il Medio Evo: V–X sec. Milano; Napoli: Riccardo Ricciardi Editore, 1958. 341 p.
- Andreev M. Il Rinascimento italiano come specchio del nichilismo russo // *Rinascimento e Antirinascimento. Firenze nella cultura russa fra Otto e Novecento* / A cura di L. Tonini. Firenze: Olschki, 2012. P. 45–50.
- Burdach K. Reformation, Renaissance, Humanismus: zwei Abhandlungen über die Grundlage moderner Bildung und Sprachkunst. Berlin: Paetel, 1918. 220 S.
- Kudrjavcev O. «Muori, Firenze, Giuda». L'Italia del Rinascimento nel giudizio della cultura russa // *Rinascimento e Antirinascimento. Firenze nella cultura russa fra Otto e Novecento* / A cura di L. Tonini. Firenze: Olschki, 2012. P. 31–44.
- Nordström J. Le Moyen Âge et la Renaissance. Paris: Stock, 1933. 238 p.
- Papini G. Pensieri sul Rinascimento // *Papini G. L'imitazione del Padre: saggi sul Rinascimento*. Firenze: Monnier. 1947. P. 9–21.
- Papini G. Giudizio Universale // *Papini G. Politica e civiltà*. Milano: Mondadori, 1963. P. 565–577.
- Seardo C. Dal «Leonardo» a «Pensieri sul Rinascimento»: l'approccio pragmatista di Giovanni Papini. Tesi di laurea magistrale. Pisa: Pisa University, 2015. 221 p.
- Walser E. Gesammelte Studien zur Geistesgeschichte der Renaissance. Basel: Benno Schwabe Co., 1932. 359 S.
- Zabughin V. Storia del Rinascimento Cristiano in Italia. Milano: Treves, 1924. 376 p.

Zweerde E. van der. Soviet Theory of the History of Philosophy as a Capstone of Soviet Philosophical Culture // *Rivista di storia della filosofia*. 2018. No. LXXIII. 2018. P. 209–378.

Evgenij Anan'in and the problem of the Italian Renaissance

Olga I. Kusenko

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: isafi137@gmail.com

A reevaluation of the dogmas and canons rooted in the Renaissance historiography was a common trend in the studies in this field in the first half of the 20th century. At that time, there appeared many original concepts that corrected or completely refuted the previous ones. The present article is devoted to the participation of the Russian historian Evgenij Anan'in, who lived and worked in Italy, in the debates around the notion of the Italian Renaissance and to his attempts to contribute to the elimination of various cliché from the field of Renaissance studies (primarily to abolish the postulated opposition of the Middle Ages and the Renaissance and the idea of the Renaissance as the revival of antiquity). A significant part of Anan'in's publications in Italian scientific journals consists of polemic articles and reviews that reveal a panorama of Renaissance concepts in Europe in 1920–1930s. The Russian researcher was strongly opposed to foreign historians who denied the originality of the Italian Renaissance. He was also against all kinds of attempts to use the concept of the Renaissance *ad usum proprium* (national, ideological, etc). The article focuses on the concepts of the Renaissance and their authors (Burkhard, Burdach, Papini, Walser, Zabughin, Neumann, Nordström), which Anan'in analyzed (or, conversely, clearly ignored) in his texts as well as on his own views that are hidden inside his critical remarks. The publication also deals with a campaign that began in Italy in the mid-1930s against a foreign “occupation” of the Renaissance field (according to that campaign, the primacy in the Renaissance studies belonged to Italians). Finally, the paper explores the case of an open confrontation between Anan'in and Giovanni Papini, who became the head of the National Institute of the Renaissance studies established in Florence in 1937.

Keywords: Italian Studies in Russia, Renaissance studies, Italian Renaissance, E.A. Anan'in, V.N. Zabugin, G. Papini

For citation: Kusenko, O.I. “Evgenii Anan'in o probleme ital'yanskogo Renessansa” [Evgenij Anan'in and the problem of the Italian Renaissance], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 2, pp. 138–152. (In Russian)

References

- Anagnine, E. “Il problema del Rinascimento”, *Nuova Rivista Storica*, 1934, No. VI, Novembre-Dicembre, pp. 573–594.
- Anagnine, E. “Recensione a C. Barbagallo L'Eta della Rinascenza e della Riforma (1454–1556)”, *Leonardo*, 1936, No. VII, pp. 384–387.
- Anagnine, E.G. *Pico della Mirandola. Sincretismo religioso-filosofico. 1463–1494*. Bari: G. Laterza & Figli, 1937. 277 pp.
- Anagnine, E. “Conrad Bürdach (1859–1936)”, *Nuova rivista storica*, 1937, Fasc. I–II, Gennaio-Aprile, pp. 82–83.
- Anagnine, E. “G. Papini e il Rinascimento”, *Nuova rivista storica*, 1939, No. VI, pp. 109–113.
- Anagnine, E. *Il concetto di rinascita attraverso il Medio Evo: V–X sec.* Milano; Napoli: Riccardo Ricciardi Editore, 1958. 341 pp.
- Andreev, M. “Il Rinascimento italiano come specchio del nichilismo russo”, *Rinascimento e Antirinascimento. Firenze nella cultura russa fra Otto e Novecento*, a cura di L. Tonini. Firenze: Olschki, 2012, pp. 45–50.

- Bibikhin, V.V. *Novyj Renessans* [New Renaissance]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1998. 496 pp. (In Russian)
- Burdach, K. *Reformation, Renaissance, Humanismus: zwei Abhandlungen über die Grundlage moderner Bildung und Sprachkunst*. Berlin: Paetel, 1918. 220 S.
- Gardzonio, S. "Evgenii Anan'in-russkii revolyutsioner i issledovatel' ital'yanskoi kul'tury" [Eugenio Anagnine – Russian revolutionary and Italian culture historian], *Res Philologica – II: Filologicheskie issledovaniya. Sbornik statei pamyati akad. G.V. Stepanova. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya (1919–1999)* [Res Philologica – II: Philological Studies], ed. by L.G. Stepanova. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2000, pp. 73–81. (In Russian)
- Kudrjavcev, O. "‘Muori, Firenze, Giuda’. L'Italia del Rinascimento nel giudizio della cultura russa", *Rinascimento e Antirinascimento. Firenze nella cultura russa fra Otto e Novecento*, a cura di L. Tonini. Firenze: Olschki, 2012, pp. 31–44.
- Kusenko, O.I. "Vladimir Nikolaevich Zabugin – ital'yanskii retsenzent russkoi mysli" [Vladimir Nikolaevich Zabughin and his Italian reviews of Russian Thought], *Voprosy filosofii*, 2020, No. 10, pp. 158–169. (In Russian)
- Kusenko, O.I. "Ital'yanskije retsenzenty kontseptsii 'khristianskogo Vozrozhdeniya' Vladimira Zabugina" [Italian reviewers of the concept of 'Christian Renaissance' in Vladimir Zabugin], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i Dal'nem Vostoke*, 2019, No. 3, pp. 92–98. (In Russian)
- Larocca, G. "Prostranstvo i 'sledy' Renessansa. Evgenij Anan'in i Dzhovanni Papini" [Space and 'traces' of Renaissance. Evgenij Anan'in and Giovanni Papini], *Dialog so vremenem*, 2019, No. 69, pp. 161–171. (In Russian)
- Losev, A.F. *Eстетика Vozrozhdeniya* [Renaissance Aesthetics]. Moscow: Mysl' Publ., 1998. 623 pp.
- Nadzaro, A. "A bono in bonum. V.N. Zabugin: ot 'Sud'by Vergiliya' do 'Khristianskogo Vozrozhdeniya v Italii'" [A Bono in Bonum. V.N. Zabughin, from 'The Fate of Virgil' to 'A Christian Renaissance in Italy'], *Rossiya-Italiya: kul'turnye i religioznye svyazi v XVIII–XX vekakh* [Russia-Italy: Cultural and Religious Relations in the 18th–20th Centuries], ed. by M. Talalay and A. Milano. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2014, pp. 205–224. (In Russian)
- Nordström, J. *Le Moyen Âge et la Renaissance*. Paris: Stock, 1933. 238 pp.
- Papini, G. "Pensieri sul Rinascimento", in: G. Papini, *L'imitazione del Padre: saggi sul Rinascimento*. Firenze: Monnier, 1947, pp. 9–21.
- Papini, G. "Giudizio Universale", in: G. Papini, *Politica e civiltà*. Milano: Mondadori, 1963, pp. 565–577.
- Rizzi, D. "Anan'in Evgenii Arkad'evich" [Anagnine Yevgeny Arkad'evich], *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine KhKh veka: entsiklopediya* [Russian Presence in Italy in the first half of the 20th century: Encyclopedia], ed. by A. d'Amelia and D. Rizzi. Moscow: ROSSPEN Publ., 2019, pp. 52–55. (In Russian)
- Rizzi, D. "Zabugin Vladimir Nikolaevich" [Zabugin Vladimir Nikolaevich], *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka: entsiklopediya* [Russian Presence in Italy in the first half of the 20th century: Encyclopedia], ed. by A. d'Amelia and D. Rizzi. Moscow: ROSSPEN Publ., 2019, pp. 262–265. (In Russian)
- Sabbatini, M. "Evgenii Anan'in i P'ero Gobetti: pis'ma o Rossii (1924–1925 gg.)" [Yevgeny Anagnine and Piero Gobetti: letters about Russia], *Bespokoinye Muzy'. K istorii russko-ital'yanskikh otnoshenii* ['Restless Muses'. On the history of Russian-Italian relations], ed. by A. d'Amelia. Salerno: Vereja Edizioni, 2011, pp. 343–359. (In Russian)
- Seardo, C. *Dal 'Leonardo' a 'Pensieri sul Rinascimento': l'approccio pragmatista di Giovanni Papini*, Tesi di laurea magistrale. Pisa: Pisa University, 2015. 221 pp.
- Sedykh, O.M. & Grishatova, Yu.L. "Russkii Renessans o Renessanse" [Russian renaissance about Renaissance], *Voprosy filosofii*, 2015, No. 6, pp. 111–121. (In Russian)
- Walser, E. *Gesammelte Studien zur Geistesgeschichte der Renaissance*. Basel: Benno Schwabe Co., 1932. 359 S.
- Zabughin, V. *Storia del Rinascimento Cristiano in Italia*. Milano: Treves, 1924. 376 pp.
- Zweerde, E. van der. "Soviet Theory of the History of Philosophy as a Capstone of Soviet Philosophical Culture", *Rivista di storia della filosofia*, 2018, No. LXXIII, pp. 209–378.